

Т. Г. МОРШАКОВА,

заместитель председателя Конституционного суда РФ,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ

МЕСТО И РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Мы начинаем с провозглашения тезиса о том, что у нас все очень плохо. И критиковать, и находиться в оппозиции к власти сегодня очень просто. Во-первых, потому что есть многое, что можно критиковать, во-вторых, потому что в критике можно проявить самостоятельность, в-третьих, наконец, потому что это ничем не грозит, не грозит тем, что с тебя потребуют предложить конструктивное решение. Мне хотелось бы все-таки в этой аудитории призвать юристов к поиску конструктивных правовых решений. Примером в этом был, есть и будет академик Д. С. Лихачев. Сегодня мы слушали доклад по поводу того, что есть правовая культура. Не нужно искать (хотя это задача высокой теории) каких-то очень сложных определений этого явления. Она распадается на вполне ясные элементы в социуме, в каждом из

которых может работать юрист. Многие из этих элементов являются частью нашей повседневности. Правовая культура состоит из простых вещей. Есть объективно существующее право, правовое регулирование, но это еще не правовая культура. Это может быть ее основа. Прежде чем говорить о правовой культуре, необходимо минимально овладеть правовыми знаниями. Это оценка того, что мы знаем о праве, потому что наше знание о праве всегда сопровождается оценкой правосознания и состоит из двух элементов: знания права и его оценки.

Следующий главный компонент правовой культуры — система построенных на нашем праве и правосознании действий, то есть то, что и называется правовой практикой. Вот эта правовая практика настолько далека от того, что заложено в правовых нормах, что

говорить об единой правовой культуре не представляется возможным. Часто, сравнивая немецкую и, допустим, российскую правовую среду (наиболее обобщенный пример, характеризующий наше состояние в области права и его применения), привожу такой странный пример: в Германии очень плохие законы, просто чудовищные. Они кажутся нам глубоко недемократичными, но при этом существует идеальная правовая практика, построенная на правовой, культурной традиции, главным элементом которой является обязательное уважение к праву и к человеку. В нашей стране есть законы, нормы, существенно превосходящие другие страны по своему качеству, и я здесь вполне разделяю возмущение американской избирательной системой. Наша лучше, хотя в ней тоже масса недостатков, но что у нас неизмеримо хуже — это исполнение того, что мы имеем, это, наконец, дух отрицания самой правовой нормы. Наша старая поговорка: «Закон, что дышло...», это выражение абсолютной неориентированности каждого из нас на обязательность нормы. И это, конечно, существенно снижает шансы считаться высокоразвитым обществом по такому параметру как правовая культура.

Попробуем оценить нашу Конституцию как основной документ существующей правовой культуры. Если у нас и есть что-нибудь хорошее в этой области, то это прежде всего конституционные нормы. Можно, конечно, отметить их декларативность, но это не та декларативность, которая всегда была характерна для конституционных норм советского периода. Декларативность нынешней Конституции только в том, что воплощение ее в каждом конкретном случае не происходит автоматически. Но я хотела бы противопоставить этому тезису другой, который кажется мне чрезвычайно важным. Именно он определяет поле деятельности юриста. Недекларативность Конституции заключается в том, что ее нормы позволяют добиться их реализации, именно добиться. Добиваться этого

нужно, но, главное, существуют правовые средства для воплощения этих норм в жизнь. Причем эти правовые средства доступны не только юристам, они доступны каждому гражданину. И если мы говорим о том, насколько наша правовая культура отвечает правовым стандартам, то именно здесь мы можем испытывать некоторое чувство гордости, потому что наша Конституция позволяет каждому гражданину добиваться реализации ее положений, даже в том случае, если этим положениям противоречит воля законодателя. И таких примеров можно привести очень много.

Скажем, из практики Конституционного Суда, когда граждане, не адвокаты, не юристы, искали конституционную защиту своих прав и находили эту защиту. Граждане защищались от необоснованно суровых санкций в таможенном регулировании, и они нашли эту защиту в Конституционном Суде. Граждане защищали свое право на приватизацию комнат в коммунальных квартирах, и они нашли защиту этого права. Я не буду перечислять такие примеры, как право на свободу передвижения и борьба с известной пропиской-регистрацией. Каждый раз возрождается это право, потому что оно удобно для бюрократии, и каждый раз возможно его преодоление. Я не буду останавливаться на таких фактах, как невозможность обжалования длительных сроков судебных арестов. Граждане обращались и получали защиту, потому что в решениях Конституционного Суда содержится такое положение. Это не изобретение, это только подтверждение закрепленного в Конституции права каждого — получить в суде защиту по любому вопросу. Что еще важно? Здесь говорилось о нормах, которые отдают приоритет международно-правовому принципу перед внутренним законом. Важно, что Конституция декларирует, что, когда есть норма международного права и противоречащий ей внутренний закон, — подлежит применению норма международного права.